

УРОКИ
ВЕЧНОСТИ

Барбара Михайловска

Барбара Михайловска

Уроки вечности

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2014

Михайловска Б.

Уроки вечности / Б. Михайловска — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2014

Барбара Михайловска – псевдоним профессионального врача, успешно сочетающего в себе медицинские знания и клинический опыт с психотерапевтической практикой. Подход к лечению больных с позиции единства души и тела человека известен с доисторических времен. Но только сейчас он по-настоящему возвращается к людям через таких врачей, как Барбара Михайловска. Книга «Уроки вечности» состоит из отдельных историй жизни и болезни пациентов, написанных в художественно-публицистическом жанре. Все имена и некоторые места событий изменены. Главное в книге – духовно-психологическая сторона лечения, тайна жизни, смерти и бессмертия и роль врача в этом трудном мире. Выводы, которые каждый читатель сделает сам, зачастую болезненно ломают мировоззрение. «Уроки вечности» шокируют болью: болью пациента, болью врача и болью читателя. Эта книга очень утомляет, но обновляет душу. Ее нельзя читать быстро, каждая история требует отдельного сопереживания и осмысления. Становится понятно, почему «Уроки вечности» создавались в течение восьми лет. Каждая строчка в этой книге струится любовью к человеку со всеми его достоинствами и недостатками, слабостями, грехами, преступлениями и вечным стремлением к Богу. Бесконечный духовный путь – это и есть вечность, о которой пишет Барбара Михайловска. На этом пути стираются представления о жизни, смерти, времени и пространстве, поэтому так свободны и пронзительны слова автора о вечных вопросах человеческого существования. Стихи создают удивительное настроение, дополняют и уточняют идеи автора, изложенные в рассказах. Если книга «Уроки вечности» останется вами непонятой, отложите ее на время. Ваше время для нее обязательно придет.

© Михайловска Б., 2014
© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2014

Содержание

Предисловие	6
Раздел первый	7
Женщина на фоне гобелена	7
Два бизнесмена	12
Измена	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Барбара Михайловска

Уроки вечности

Я писала книгу и будто создавала себе помощника, который сможет жить своей жизнью, лечить, спасать, беречь и – любить каждого из вас.

От автора

Предисловие

Барбара Михайловска – псевдоним профессионального врача, успешно сочетающего в себе медицинские знания и клинический опыт с психотерапевтической практикой. Подход к лечению больных с позиции единства души и тела человека известен с доисторических времен. Но только сейчас он по-настоящему возвращается к людям через таких врачей, как Барбара Михайловска.

Книга «Уроки вечности» состоит из отдельных историй жизни и болезни пациентов, написанных в художественно-публицистическом жанре. Все имена и некоторые места событий изменены.

Главное в книге – духовно-психологическая сторона лечения, тайна жизни, смерти и бессмертия и роль врача в этом трудном мире. Выводы, которые каждый читатель сделает сам, зачастую болезненно ломают мировоззрение. «Уроки вечности» шокируют болью: болью пациента, болью врача и болью читателя. Эта книга очень утомляет, но обновляет душу. Ее нельзя читать быстро, каждая история требует отдельного сопереживания и осмысления. Становится понятно, почему «Уроки вечности» создавались в течение восьми лет.

Каждая строчка в этой книге струится любовью к человеку со всеми его достоинствами и недостатками, слабостями, грехами, преступлениями и вечным стремлением к Богу. Бесконечный духовный путь – это и есть вечность, о которой пишет Барбара Михайловска. На этом пути стираются представления о жизни, смерти, времени и пространстве, поэтому так свободны и пронзительны слова автора о вечных вопросах человеческого существования. Стихи создают удивительное настроение, дополняют и уточняют идеи автора, изложенные в рассказах.

Если книга «Уроки вечности» останется вами непонятой, отложите ее на время. Ваше время для нее обязательно придет.

С уважением,
Издатель

Раздел первый

Уроки жизни

И сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

Евангелие от Луки, гл. 22, 46

Человек часто забывает о том, насколько коротка наша жизнь. Мы живем на периферии своего существования, живем чем-то преходящим, поверхностным. Но человек никогда не сможет удовлетвориться только временным, преходящим. Многие люди с какой-то агрессивной радостью пытались и пытаются отыскать научные аргументы, ниспровергающие древнее учение о том, что человеческий дух неразрушим. Это стремление лишить человечество самой сокровенной надежды напрасно выступает под лозунгом научности, потому что во всех цивилизациях была эта вера в бессмертие. Мы все – гости в этом мире, пришедшие из тайны и уходящие в тайну. Здесь всё, что есть в нас Божественного, – наша душа, наша личность, наша совесть – растет и воспитывается. Нам открыто, что эта короткая жизнь имеет огромное значение, потому что она есть школа Вечности.

Протоиерей Александр Мень. Тайна жизни и смерти

Вечность есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечной жизни.

Бозций. Утешение философией

Женщина на фоне гобелена

Любовь и прощение – две великие силы, спасающие мир.

*Какие человеческие страсти,
Характеры, достойные баллад!
Они срывают ранний виноград
Любви и смерти, боли и участия.*

Ей было пятьдесят шесть лет. Она была худенькой и совсем седой. Семь лет она провела в постели. Ее позвоночник был безнадежно разбит при аварии. И теперь ее уделом было лежать, глядя в потолок или в телевизор, качать головой, открывать и закрывать глаза и выталкивать из себя тихие короткие фразы. Ясное сознание при таком теле – тяжелое испытание. Не каждому по силам. Одни при этом становятся злыми, агрессивными, требовательными, как будто весь мир у них в долгу. Другие превращаются в «капусту», ничего не желая, подчиняясь пассивному течению бессмысленных дней. Мария Петровна была иной.

Она хотела жить, жить полной грудью, всем телом, каждой клеточкой. Ее оболочка была для нее непригодна. Такое кипение энергии, такую волю я встречала редко. Мария Петровна говорила мне: «Я не верю, что это на всю жизнь. Во сне я хожу, чувствую землю и даже летаю. Я верю, что однажды встану».

Мария Петровна была знакомой моих друзей. Меня попросили посмотреть ее, и так я впервые вошла в ее дом. Меня умилило его уют. Гобелены на стенах создавали очень комфортное, спокойное состояние души. Позже я выяснила, что гобелены были вышиты Марией Петровной собственноручно пару десятков лет назад, но еще не утратили красок, свежести, художественного благородства. На гобеленах в восточном стиле были красно-желтые цветы, пагоды и одинокие фигуры. И мне почудился запах сандала – так мастерски они передавали стиль и настроение.

Мария Петровна лежала в постели у стены, украшенной таким же гобеленом, и сливалась с ним, потому что ее душевно-психическое состояние ничем не нарушало эту восточную задумчивую картину. И, уловив это, я поняла, что судьба преподнесла мне встречу с неординарной женщиной.

Позже, общаясь с ней, я изумилась ее памяти. Она помнила и свободно цитировала Омара Хайяма, Николая Бараташвили, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама. Она помнила английский язык и, напрягаясь, старательно выговаривала старые английские пословицы, заставляя меня стыдиться моей институтской пятерки, ибо я ничего не понимала. Будучи в прошлом инженером-механиком, Мария Петровна высказывала почти профессиональные суждения об экономике, политике, праве, медицине и других областях жизни, получая новую информацию только из телевизионных передач. Она с удовольствием говорила со мной о Польше: о литературе, музыке, политике. Еще меня поразило то, как она без запинки перечислила сразу десять знакомых ей названий польских городов.

За несколько встреч у Марии Петровны сложилось обо мне собственное, вполне проницательное мнение. Я была очень благодарна ей за мудрые житейские советы.

Но медицинская часть была неутешительна. Я нашла возможность провести рефлексотерапевтическую стимуляцию отдельных участков периферической нервной системы, чтобы заставить хотя бы немного работать руки, но это было на пределе моих возможностей. И я сомневаюсь, чтобы что-то можно было бы коренным образом изменить другими методами. Операция ничего не дала еще в самом начале болезни. А теперь и подавно. Как важно для инвалида, может ли он взять чашку, почесать нос, самостоятельно держать книгу, сам делать те минимальные движения, которые мы делаем сотни раз в течение дня, нисколько не задумываясь о сложном процессе, сопряженном с этими действиями, в костной, мышечной, нервной, сосудистой системе. Реабилитация спинальных больных – одно из самых трудоемких и мало благодарных направлений в медицине. Реанимация, хирургия, акушерство в большей степени, терапия в меньшей – находятся в лучшем положении. Для сознания больного важен результат: вот был камень – вот его нет, вот была одышка и отеки – вот нет одышки и отеков, вот умер человек – а нет, оживили. А тут хорошо, что не становится хуже, хорошо, что есть минимальные позитивные сдвиги, видимые часто только взгляду специалиста, но больной продолжает быть в депрессии – но я же не хожу!

Конечно, я ничего не обещала Марии Петровне. Я взялась за нее, не рассчитывая на особый успех. Это был отчаянный эксперимент. Но меня удивили результаты. *Ей сразу стало лучше, и это очень насторожило. Чаще в моей практике позитивный результат дается непросто, через обострение, ломку, страдание. Это нормально. Но вот так, в таком тяжелом заболевании...* Я задумалась. Могла быть особая реакция больной, не всегда зависящая от работы врача. Избыточное употребление биофизических методов воздействия могло привести к формированию связи «донор (я) – реципиент (больной)», а потом ее сложно без ущерба разорвать. Это могло быть накапливанием сил перед кризисом, и чем больше накапливается сил, тем более остро и тяжело может протекать кризис и может быть похож на агонию. Но почему-то эти мысли уходили из моей головы, не задерживаясь. «Что же еще?» – непрерывно думала я. А все было совсем иначе.

Мария Петровна жила с семьей дочери. Валя, старшая дочь, вечно занятой бухгалтер на фирме, крутилась как белка в колесе. Она ухаживала за матерью, писала и сдавала отчеты, выхаживала километры по коридорам всяких инстанций, успевала приготовить обед, сходить на родительское собрание, постирать, погладить и т. д. Ее муж, средней квалификации врач-стоматолог, выпивал, мало бывал дома, и помощи от него не было. Девятилетняя Сашенька была праздником в семье – отличница, шахматистка, фигуристка, бабушкина любимица. Младшая дочь с мужем и детьми жила в Прибалтике. Такова была семья Марии Петровны.

Я рискнула продолжить лечение, начала вводить духовные элементы, в основном в форме беседы. Инстинктивная христианка Мария Петровна начала поддерживать меня в вопросах воцерковления – исполнения обрядов, регулярных молитв. Мы даже договорились о визите моего знакомого священника. В один момент все изменилось.

У Сашеньки оказалась положительной реакция Манту, и фтизиатр поставил диагноз – туберкулез. В семье началась паника. Валя сыпала именами знакомых ей медицинских светил, она плотно занялась дочерью. Тогда центр лечебных мероприятий в семье склонился в сторону младшего поколения.

Мария Петровна перестала расслабляться со мной во время сеанса. Все мысли ее были о внучке. Мы отменили лечение, причем достаточно резко. Но у Марии Петровны отвоеванные у болезни рефлексy не исчезали. Улучшение оказалось стабильным.

Пока вся семья занималась Сашей, я пыталась уловить какую-то мысль по этому поводу. Что-то меня беспокоило. И однажды в церкви меня пронзила догадка. Боже! Я упала на колени... Что же я наделала!

Я начала с того, что взяла Сашину медицинскую карту, начатую еще при рождении, и медицинскую карту Марии Петровны. Я обнаружила у Саши запись о тяжелой пневмонии с тремя днями в реанимации, когда ей было только полтора года. А потом в истории болезни Марии Петровны прочла, что злосчастная авария произошла через два месяца после этого. И тогда на следующее утро я пошла на разговор к Марии Петровне. Мне было очень тяжело. За это время она стала близким мне человеком.

Мария Петровна была мне рада, но, увидев мое серое лицо, забеспокоилась. Я не стала тянуть:

– Мария Петровна, вы помните время, когда у Сашеньки была пневмония?

– Да, это было как вчера. Мы чуть не умерли от страха. Валюта ведь рожала так трудно.

И Сашенька была такой желанной.

– Вы помните, что было, когда она лежала в реанимации? Что вы делали в это время?

– Мы сидели в коридоре или ходили под окнами.

– А что вы говорили, как вы молились при этом?

Она угадывает мой намек, и щеки ее наливаются краснотой. Ее дыхание становится шумным, прерывистым.

– Я молила Бога, чтобы он спас ее. И... предлагала взамен свою жизнь.

Я была настойчива:

– Как именно вы предложили?

– Это было в аффекте... Вроде бы так... Господи, если хочешь, чтобы эта кроха страдала в жизни, позволь мне за нее отстрадать стократно. Я на все согласна, Господи, но не дай ей умереть, не дай ей слез, дай ей радость и счастье.

– Вы понимаете, что именно вы предложили?

– Да. Вы хотите сказать, что моя молитва была услышана?

– И вы приняли мученический венец...

– Слава Господу! – воскликнула Мария Петровна громче, чем обычно, и ее глаза счастливо заблестели.

Сердце мое дрогнуло, и я спросила глухо:

– Теперь вы не жалеете?

– Я действительно счастлива! Моя девочка защитится моими слезами.

А потом мы с ней рассуждали о справедливости, такой, какую представляют люди и какой она представляется с небес.

Мария Петровна говорила: *«Господь не жесток. Я думаю, что кому-то из нашего рода нужно было принять крест тяжелой неизлечимой болезни, зато другим будет лучше. Это все равно, что очиститься, смыть грязь. Например, я убираю квартиру, мои руки в грязи, спина болит, зато все живут, не дыша пылью. То же самое здесь».*

Я осторожно посомневалась в целесообразности нашего лечебного процесса. Я боялась, что нанесла вред этой связи бабушки и внучки, ненароком наклонив это «коромысло» в сторону девочки. А потом успокоилась. Иначе мы бы никогда этого не узнали, и никогда бы Мария Петровна не сказала: «Да я теперь как на крыльях. Эти крылья нужны мне были внутри. Как я себя изводила: лежу, бревно бесчувственное, вокруг меня одни хлопоты... А теперь все иначе. Жизнь моя не напрасна. Только мы никому не скажем, правда?»

Так что на все воля Божья. Тогда Мария Петровна улыбнулась мне уникальной, загадочной улыбкой беременной женщины. Мол, вы думаете, я одна? А нас-то двое!

Так я посчитала себя не вправе вмешиваться в здоровье человека. И благодаря этому случаю, как и некоторым другим, я уверенно говорю. *«Мать, как и другой очень любящий близкий человек, может спасти жизнь любимому человеку, беря на себя его тяготы, беды, болезни, страдания. Надо верить, молиться и быть готовым к самопожертвованию».* Сама-то я знаю, что за спасение человека не назначается цена, это происходит не по заслугам человеческим, а по милости Божьей. Это от просящего должна исходить инициатива – например обет как вид особого договора между человеком и Богом. И приняв его, не следует удивляться тому, что происходит, если сам просящий его нарушит.

А Сашенька выздоровела, причем достаточно быстро. Она, как и раньше, отличница, шахматистка, фигуристка и вообще милая добрая девочка.

Мария Петровна так же лежит на фоне гобелена. Только взгляд стал более теплым и умиротворенным. И я прихожу к ней учиться терпению и мудрости. К сожалению, она скоро умрет. Но мне даже не грустно. Я испытываю только благоговение. И в моем сердце звучит музыка: далекие колокольчики на снежных горах, у подножия которых никогда не померкнут красно-желтые цветы.

* * *

Человечество придумало себе смерть. Наделило ее женским кошмарным обликом, вложило в руки атрибуты, от которых хочется бежать без оглядки. И тогда рассудок возопил: беги, спасайся, это – смерть. Звериный инстинкт порастил человека и затоптал то, что в человеке сильнее инстинкта самосохранения – Дух Божий. Именно Духом, искрой, источником жизни человек не позволяет себе выживать ценой жизни других, цепляться за каждую минуту, если все пройдено, выполнены все земные труды и подведены итоги. Именно Дух дает человеку силу и волю к жизни, если осталось еще что-то, перейдя через которое, можно идти не оглядываясь. Именно Дух дает человеку возможность прозреть свое начало и конец и быть мудрее самого себя перед лицом болезни, опасности, смерти. Именно неразвитость, замусоренность, захламленность человека не позволяет Духу вести его по жизни. И человек становится духовно больным, испуганным, уничтожающим себя. Нет возможности жить, если внутри смерть.

* * *

Мир из потерь в бессонницу придуман.
Мир из разлук слезами был зачат.
Причудливым трагическим фигурам
Сознание служит, впитывая яд
Любви – на грани мести и порока,
Добра, что жадно метит в небеса.
И циник под личиною пророка
Изнанкой веры душу потрясал.
Но смерти нет. Не губительно страданье.
Пока едины свет, вода и твердь,
Пока душа жива для созиданья,
Мир из надежд не может умереть.

Два бизнесмена

Сергей Сергеевич и Михаил Иванович – невысокие brunеты лет сорока. Они всегда были очень похожи и дружили уже двадцать лет. В институте они учились в одной группе, потом вместе работали в одном КБ. Примерно в одно время женились. Жили они в одном квартале, их дети учились в одной школе. Их родители тоже дружили семьями. Примерно в одно время Сергей и Михаил развелись. Их бывшие жены часто перезванивались и сплетничали о них.

В конце восьмидесятых годов Сергей бросил свою скромную инженерную должность и более чем скромную зарплату и пошел в бизнес. Михаил ринулся за ним. У Сергея дела пошли очень неплохо. К концу второго года у него уже была своя вполне работоспособная фирма, десять человек в штате и первая иномарка. Михаил, покрутившись самостоятельно, пошел к Сергею. Тот сделал ему дочернее предприятие в регионе, дал денег на раскрутку и забирал минимальный процент. На вопросы своих финансистов он отвечал: «Дружба – она и есть дружба». Так что Михаил тоже значительно улучшил свое положение.

А потом они вновь женились. Обе женщины – лет на десять моложе, красивые, изящные, со вкусом одевающиеся, с которыми приятно выйти в общество. Вчетвером они посещали модные курорты и рестораны. Но через некоторое время выяснилось, что их жены очень разные.

Жена Сергея Катя оказалась умницей. Она вытянула свой экономический диплом, еще поучилась и стала помогать Сергею так, что стала незаменимой. А когда фирма Сергея начала работать с испаноговорящей страной, она за полгода очень прилично выучила испанский язык, чтобы на переговорах не было потребности в третьем лице – переводчике, часто болтливом и продажном.

Маша, жена Михаила, спустя полтора года красивой жизни начала злоупотреблять спиртным и очень быстро превратилась в алкоголичку. Да-да, не в женщину, любящую выпить, а в синюшную запойную пьяницу, не различающую из-за водки дня и ночи. А где пьянка, там и разврат. Как-то, придя домой, Михаил увидел раскрытую квартиру, пьяную голую жену, спящую мертвым сном, и не обнаружил в доме многих ценных вещей.

Конечно, ее лечили. Наркологи, психотерапевты, токсикологи, даже колдуны и экстрасенсы водили вокруг Маши хороводы. Это влетало в копеечку, но было безрезультатно. «Сложный случай», – разводили руками медицинские и околomedicalские светила. Маша несколько раз анонимно лечилась в лучших клиниках, но, выходя, скатывалась все ниже и ниже.

Он мог бы с ней развестись. Но были две проблемы. Первая – ее папа, ответственное лицо в государственном учреждении, испорченные отношения с которым могли помешать бизнесу. Вторая – он страшно боялся скандала, он боялся злорадства своей бывшей жены, своей любовницы, которую бросил ради женитьбы, он боялся за собственную репутацию преуспевающего человека. И Михаил продолжал тянуть эту вольнку. Он приходил домой к Сергею и плакался о своей несчастной жизни. Сергей и Катя успокаивали его.

Наконец Михаил построил квартиру с двумя выходами, забаррикадированную изнутри. В одной половине он жил сам, а в другую поселил жену и приставил к ней охранника. Охранник снабжал ее спиртным, вызывал частного врача, когда она перепивала, ухаживал за ней и главное – ни под каким предлогом не выпускал ее из квартиры.

Именно тогда, в 1993 году, когда проблема алкоголизма жены обрушилась на Михаила, он начал мучительно завидовать Сергею. Он завидовал теплу и уюту его дома, красоте Кати, которая никуда не девалась, их нежным отношениям, когда спустя несколько лет семейной жизни по-прежнему светятся, встречаясь, их глаза и есть непрерывная тяга – прикоснуться хотя бы на миг друг к другу. А в следующем году Катя родила мальчика. Тогда Михаил перестал ходить в их дом. Этого он уже не смог выдержать.

В то же время фирма Сергея успешно завершила длительные переговоры по поводу одного крупнейшего международного контракта. Сергей на радостях организовал грандиозный праздник. Он нанял теплоход, и в выходные дни на реке веселились двести человек – вся его фирма, друзья, коллеги. Причем он не ставил целью барством шокировать этих людей. Он действительно хотел им сделать приятно. Но оказалось, что не все люди были этого достойны.

Прилично напившийся Михаил подошел к Сергею и сказал: «Почему тебе – всё, а мне – ничего?» «Как это ничего?» – не понял Сергей и начал перечислять все выгоды этого контракта для предприятия Михаила. Но тот повторил: «Почему тебе – всё, а мне – ничего?» – и замахнулся, чтобы ударить Сергея. Но вмешался охранник, перехватил его руку. Сергей сгладил впечатление от этого инцидента шуткой, но сам остался встревожен.

Через некоторое время это забылось. Михаил работал, причем достаточно успешно, хотя стал хмурым и молчаливым. Сергей объяснял это депрессией из-за жены, но уже не пытался поговорить с ним по душам. И так хлопот полно – маленький ребенок, большой контракт.

А еще через год Сергей попал в реанимацию с инфарктом миокарда. Страшно представить, что было в то время с Катей. Она даже не плакала, она сутками выла в своей шикарной квартире. Она носила на руках своего сына и причитала так, как умеют только простые русские бабы. В реанимации она сидела в коридоре, как собачка, преданно глядя на дверь. Своим отчаянием и терпением она удивила даже все выдавшего опытного заведующего отделением, и он разрешил ей быть около мужа.

С большим трудом Сергея вытянули с того света. Но даже через четыре месяца у него были одышка и отеки на ногах – признаки значительной сердечной недостаточности. Он уже не мог работать по двенадцать-четырнадцать часов, как прежде. Его улыбочивость и энергичность испарились. Сергей осторожно ходил, был экономен в эмоциях, командировки даже не планировал. Люди на фирме, озадаченные его новым обликом, шептались: «Что с нами будет, если он?..»

И тогда кардиолог, наблюдающий Сергея, позвонил мне и попросил его посмотреть, добавив при этом: «Мне кажется, тут что-то по твоей части». Это означало, что больной выходит из болезни хуже, чем можно было бы ожидать. А этот доктор, мой большой друг, часто параллельно вел со мной больных, знал мои методы «вытягивания» из болезней и считал их эффективными.

Сергей и Катя пришли вместе. Его одутловатое лицо, мешки, бледность не оставляли сомнений в диагнозе. Катя смотрела на меня с испугом – может, я скажу, что все уже совсем плохо?

Он разделся до пояса. Когда-то развитая мускулатура обмякла, ссохлась, оформилась сутулость. В нем действительно жизнь еле теплилась. Я почувствовала слабую пульсацию этой жизни. Люди в таком состоянии умирают в течение года, даже если их очень хорошо лечить. Объективно: показатель сократительной способности миокарда очень мал, дважды за время госпитализации был отек легких.

Я начала с ним говорить и по реакции Кати поняла, что гипоксия была разрушительной и для его психического состояния. Он говорил нервно, рвано, путано, а иногда чересчур длинно. «Я болен, – говорил он. – Сердце не очень беспокоит, но у меня ни на что нет сил». Именно отсутствие сил – основная жалоба людей, подверженных магическим воздействиям, но это может быть, безусловно, и обычным клиническим симптомом.

Здесь я видела, что отсутствие сил – и причина, и следствие заболевания.

Я не могла утомлять его вопросами и постаралась свести к минимуму наше первое общение. Но я назначила встречу его жене. Я хотела от нее получить подробную информацию.

Катя – тоненькая шатенка лет тридцати с небольшим. Очевидно, только сейчас, после бед и страданий, обрушившихся на семью, она стала выглядеть на свой возраст. Макияж неброский, запах духов не вызывает раздражения. Она сидела, согнувшись, судорожно сжав пальцы

рук. И отвечала мне вначале скованно, потом эмоционально, а вскоре заплакала. Я вытянула из нее все: его детство и юность, отношения с родителями и друзьями, особенности работы, их отношения, ее жизнь, беременность, роды, его болезнь. Она говорила о Сергее с восторгом, отчаянием, нежностью, глубоким горем и – любовью. В ее словах были такие эмоции, от которых обмирало сердце. Они действительно были одной из лучших супружеских пар, которые я встречала в жизни.

Постепенно я почувствовала Михаила. Он незримо присутствовал между нами. Когда Катя рассказывала о радостных моментах жизни, у кого-то невидимого на расстоянии ладони от ее лица сводило судорогой челюсти от ненависти и злости. Когда она плакала от болезненных переживаний, он мерзко хохотал во все горло. Мне было не по себе от явственности этих ощущений. А потом этот «кто-то» наполнился у меня формой. *Я просто увидела его, его холодное отрешенное лицо и тысячелетнюю тьму преисподней в его глазах. Одержанье – вот имя этому состоянию.* Зависть, злоба, ненависть, ярость заполнили подсознание Михаила мраком. А мрак разбудил демона и призвал его к себе. Можно назвать это подсознательной агрессией, но я воспринимаю зло персонифицированным. Добро и зло имеют лица. Лицо Михаила, отягощенного злом, было ужасным.

Наверное, я внешне изменилась, потому что Катя замолчала. Я задала ей несколько навязчивых вопросов о Михаиле. Она говорила о нем по-доброму, грустно, сочувственно. Я не могла ей ничего сказать о характере своих видений, они были чужеродны ей и оскорбили бы ее чистую душу. *Сохранить ее светлое отношение к жизни, не насаждасть в ее голову маниакальные идеи одержания, магии и в то же время помочь ее умирающему мужу – бесспорно, очень трудно.*

И я поставила перед собой созидательную задачу. С позиций сегодняшнего дня я оцениваю свои действия как удачные. Ход моих рассуждений был такой: одержание другого человека не может быть причиной болезни, оно может быть усугубляющим фактором, но первопричиной – нет. То, что Сергей пережил-таки инфаркт, свидетельствует в пользу того, что ему Бог дает большой шанс в жизни. *Деньги, контракты, бизнес – все, что крутится в голове Сергея много лет, должно притормозить свой бег. Он должен в болезни духовно переродиться.* И помочь ему может только жена. А конфликт с Михаилом, его одержание может быть всего лишь предлогом проверить человеческие качества – готовность к дружбе, отзывчивость, самопожертвование.

И я рискнула – познакомилась со священником отцом Николаем, и он стал их духовным отцом. Ему они исповедались, он освящал их жилье и офис. Но помимо этого я потребовала от них помощи Михаилу. «Добро, – говорила я, – духовное качество, но оно еще должно быть деятельным». Катя была так измучена, что восприняла идею насчет Михаила без единого вопроса. Надо – значит надо. Я объясняла потребность в этом его глубокой психической травмой, неадекватностью в жизни.

И тогда у Михаила началась странная жизнь. Утром бодрый голос Сергея, так же, как во время учебы в институте, возвещал: «Доброе утро, соня, что делать будешь?» Михаил молчал. Но уверенный голос Сергея не оставлял сомнений: «Быстренько собирайся – едем в бассейн». Михаил не сопротивлялся, а шел за ним безропотно. В бассейне Сергей слегка-слегка без нагрузки бултыхался, в то время как Михаил накручивал на время двадцатипятиметровки. В десять часов они ехали на работу в разные офисы. Ближе к часу дня Михаилу звонила Катя и говорила: «А у нас дома знатная солянка, приезжай на обед». Тот пытался пару раз буркнуть, но голос Кати действовал на него как удав на кролика.

Туда, куда надо, и туда, куда не надо, Сергей таскал Михаила с собой: на совещания, переговоры, встречи, пикники, поездки. Они стали встречаться по три-пять раз в день и вдвое больше общаться по телефону. Сергей, не очень рассчитывая на взаимность, рассказывал Михаилу о своих замыслах и переживаниях. Михаил говорил мало и безэмоционально, но к

концу третьего месяца такой «дружеской агрессии» оттаял и начал даже слегка шутить. До этого момента Сергей жаловался мне: «После общения с Мишей я – выжатая тряпка. Иногда, чтобы договорить ему фразу, мне нужно сунуть под язык валидол и сцепить зубы». А я его успокаивала и просила быть мужественным.

Следующий этап наших действий заключался в том, чтобы перенести «бой на территорию противника». Сергей ввалился однажды в воскресенье в квартиру Михаила; воспользовавшись его замешательством, вытряхнул проститутку из его постели и в ужасе спросил: «Миша, Боже, что же с тобой стало?» И тогда Михаил хриплым срывающимся голосом заорал матом по поводу своей несчастной жизни, своей жены, а потом уже и Сергея и его нравоучений. Сергей, рассказывая мне об этом, отметил: *«Я никогда не видел такого ужасного лица и не слышал такого ужасного голоса. В нем был испепеляющий гнев, ярость, безумие, рыдание. Он порывался броситься на меня, но я видел, что причинить вред он способен только себе. В этот момент мои губы сами зашептали молитву. А потом он перебесился и затих»*. «Да, перебесился. Какое верное слово!» – подумалось мне.

Тогда Сергей и предложил Михаилу поговорить с его тестем. «Ты действительно рехнулся! – наступал он. – Хоронить себя в сорок лет, с проститутками, без нормальной женщины, без жены и детей. Немедленно идем к ее отцу, надо заканчивать эту трагикомедию». Михаил взорвался: «Ты отдаешь себе отчет? Ты знаешь, что будет? И не забывай – мы в одном бизнесе, это и тебя касается». На что Сергей ответил: «А мне плевать. Я не могу на это смотреть». Он заразил своей уверенностью Михаила.

И они пошли. Большой чиновник принял их, выслушал. Но не вспылал, а сказал очень грустно: «Миша, я виноват перед вами. Моя дочь еще до знакомства с вами лечилась от алкоголизма. У нее плохая наследственность по матери, и она из золотой молодежи – вседозволенность, распушенность... Ей помогли, но на время. Я виноват, что ничего вам не сказал». Он был очень подавлен, этот сильный властный человек. Он дал свое согласие на развод и пожелал Михаилу счастья.

Именно с того памятного дня, когда Михаил вышел из кабинета тестя с очумелыми глазами, еще не веря в реальность происходящего, Сергей начал выздоравливать. Этот процесс был долгим и мучительным. Но каждый день давал малюсенькую прибавку его силам и работоспособности его сердца. Тогда же Михаил взял месячный отпуск на решение своих вопросов. За это время он развелся и перепланировал свою квартиру. И к концу этого месяца он стал напоминать того приятного в общении студента, искрящегося оптимизмом, с которым в свое время подружился Сергей.

Было интересно наблюдать, как они оживают оба. Ко мне приходила Катя и давала подробные отчеты. Она тоже вместе с ними становилась самой собой.

Сейчас я понимаю, насколько сложно было смоделировать эту ситуацию, прежде всего духовную работу, в которую Катя окунулась душой и в которую ее вера вовлекла Сергея. Регулярные молитвы, посты и причастия создали мощную позитивную атмосферу в доме. Благодаря этому Сережа и Катя отодвинулись от опасной черты безысходности и отчаяния.

Психологическая работа была выверена, как у минеров. Малейшая фальшь в отношениях с Михаилом могла стать роковой. Иногда, вспоминая этот эпизод, я искала формулировку произведенного действия. И тогда мне казалось, что демон просто захлебнулся в потоке тепла и света. И таким образом был ликвидирован источник постоянной угрозы для Сергея в виде всепоглощающей ненависти.

Они дружат до сих пор. Сергей принимает препараты для сердца только в период большой нервно-психической нагрузки. В обычное время оно его не беспокоит. Михаил недавно женился. У него родилась девочка. Катя родила второго ребенка.

Фирма Сергея восстановила в районном центре разрушенную церковь.

Измена

Мать девочки была в отчаянии. Она старалась сдержать слезы, но у нее ничего не получалось. Они катились по щекам, а она неловко пыталась утереть их ладонью.

– Понимаете, – говорила она, – моей девочке Агнешке совсем-совсем ничего не помогает. Она полтора года по больницам, и я с ней. Она совершенно другая, не та, что была до болезни.

Я смотрю на девочку. На вид ей лет семь. Бледная, с большими черными кругами вокруг глаз, она внимательно слушает нашу беседу. И я понимаю, что для нее я – продолжение всего медицинского кошмара, в котором она живет. Мне очень не хотелось, чтобы она меня боялась. Поэтому я сняла белый халат и обратилась к Агнешке: «Мальш, мы с тобой просто побеседуем». А сама взяла ее за руку и вслушалась в ее пульсацию жизни. Тем временем Ядвига, ее мама, рассказывала:

– Агнешка перенесла тяжелое инфекционное заболевание с осложнением на сердце. Врачи не сразу поняли, что у нее миокардит, а когда поняли и начали лечить, ей стало немного лучше, но на этом все остановилось. До сегодняшнего дня она задыхается, не может пробежать и двадцати метров. Она стала совершенно пассивной: сидит целыми днями, уткнувшись в телевизор или книжки с картинками. Агнешка совсем ничего не хочет. Раньше она была очень веселым, задорным ребенком, такой себе маленькой разбойницей. У нее всегда было много друзей и подруг. Она бегала наперегонки, каталась с горки, прыгала на скакалке.

Я уточняю, сколько ей лет. Оказывается, ей почти девять, на которые она совершенно не выглядит. Я по-прежнему держу в руке ее бескровные пальчики и думаю о том, что поднять такого ребенка, довести его почти до нормы – задача невероятно сложная.

Я посмотрела медицинскую карту. Ничего утешительного не обнаружила. Еще я понимаю, что если в результате инфекционного процесса осложнение пошло именно на сердце, она должна иметь к этому предрасположенность. Спрашиваю Ядвигу:

– Чем болели вы, ваши родители, их родители?

Она, надолго задумавшись, отвечает:

– У бабушки был рак матки. Все остальные родственники доживали до очень преклонных лет без особых болезней. Ни я, ни мои родители особо на сердце не жалуемся. У кого-то желудок, у кого-то бессонница, у кого-то песок в почках. А кардиология нам совсем не была знакома до болезни Агнешки.

Мне было непонятно. Это не укладывалось в мое представление о развитии болезни. Поэтому я постаралась разобраться в психосоциальных проблемах их семьи.

Я стала спрашивать. Кем работают Ядвига и Анджей – ее муж? Когда они познакомились? Какие у них взаимоотношения в семье? Была ли Агнешка желанным ребенком? Как протекала беременность? Были ли стрессы? Какие взаимоотношения с родителями мужа? Насколько Анджей любит Ядвигу? Какой он человек? Насколько он конфликтен?

Пока я выстраивала в голове перечень необходимых вопросов, я невольно склонялась к вопросам об Анджее. Мой интерес концентрировался на его личности. Я вроде бы хотела спрашивать оних обоих, но вопрос формулировался только о нем. С Ядвигой мне примерно все было ясно. Она была неизбалованной, трудолюбивой. До мужа она имела некоторый сексуальный опыт, но откровенной гуленой не была. Семья для нее – это всё. Наверное, это вложила ей мать. Ядвига наверняка хорошая хозяйка, но умом не блещет. Чересчур далека она от семьи мужа, подумала я, когда Ядвига сказала, что они – хорошие архитекторы. Архитектором работает и Анджей, причем достаточно успешно. Он достаточно рано сориентировался, что нужно заниматься самостоятельным бизнесом, чтобы выжить, и уже несколько лет жил на частных заказах.

Анджей чем-то меня настораживал. Они были слишком разные – Ядвига и Анджей. Но не только это мне не нравилось. «Лед и пламень» иногда могут создавать уникальные по прочности союзы. Но здесь было что-то другое.

Ядвига, вызванная на откровенность, продолжала говорить, а я отрешилась от всего. Мое внутреннее видение заглянуло в их жизнь. Перед глазами встала картинка: стены квартиры в кремовых обоях, совсем молоденькая Ядвига, с еле-еле проглядывающим животиком, одинокая постель и полная тишина в доме.

– А что, Ядвига, было с вами, когда вы были на третьем-четвертом месяце беременности?

Ядвига удивилась:

– Да ничего особенного. Это было лето. Экзамены тогда я уже сдала и отдыхала. А муж мой в это время нашел себе подработку – проектировать группу коттеджей в курортной зоне. И он с друзьями ездил посмотреть что к чему. Он вернулся недели через три. А что?

Тут в который раз возникла проблема: как помочь человеку и ничего ему при этом не говорить. Дело в том, что я внутренним зрением явственно увидела, что в то время, когда у Агнешки в утробе матери формировалась сердечно-сосудистая система, ее муж внес грязь в единое информационное пространство их семьи. Дело не только в том, что он переспал с какой-то знакомой, хотя и этого могло быть достаточно. Он на какое-то время поверил, что всерьез готовится к разрыву с семьей, и ребенок был лишним в этой ситуации.

Пока Ядвига все свои чувства, все свои эмоции направляла на их ребенка, на него, на их отношения, Анджей захотел все поменять и, будучи человеком не самых прекрасных моральных качеств, рассказывал своей новой пассии, какая Ядвига плохая. А его любовница, имевшая на него виды, активно ему поддакивала и предлагала себя в качестве спасательного круга. Он быстро прозрел, но любовницу обнадежил, и она боролась за него тоже не самыми прекрасными средствами. Как бы не с помощью магии – подумалось мне. Не то чтобы она в ней была профессионалкой, но равновесие в семье Анджея нарушилось не только изменой, но и ее последствиями. Тогда и сформировалось у Агнешки ослабленное сердечко, готовое в любой момент стать болезненным.

Я уточнила у Ядвиги:

– Как вы себя тогда чувствовали?

– Нормально. Правда слабая была, еле ноги таскала, но не тошнило, все могла есть.

– А когда прошла ваша слабость?

– Через месяц или через два.

Я решила ничего ей не говорить, а основательно поговорить с Анджеем. Сославшись на то, что мне необходимо его посмотреть, я позвала его к себе и настроилась на сложный разговор.

Он пришел, уверенный в себе, с мобильным телефоном в руке, гордый от осознания собственной деловитости. Я не стала подбирать корректные слова и заявила следующее:

– Анджей, я попрошу вас меня не перебивать. Мне нужно сказать вам нечто очень важное; даже если вы будете в корне не согласны, я прошу вас выслушать мою точку зрения. Я считаю, что в заболевании сердца вашей дочери виноваты вы. *В то время, когда ваша жена была беременной, вы изменяли ей и собирались разорвать семейные отношения. Это все происходило в то время, когда у плода формировалось сердце. То, что произошло, повлияло на состояние ребенка через тонкие нити, связывающие родителей и дитя. Ваша вина недоказуема. Но она есть.* Вы можете рассмеяться мне в лицо и сказать, что этого никогда не было. Но это было. Или вы можете задуматься и покаяться в том, что вы совершили. И если даст Господь Бог, вашей девочке станет лучше.

Тогда Анджей стал у меня интересоваться, откуда я это знаю, откуда его жена получила эту информацию, которую передала мне. И когда я сказала, что это знаю только я, а Ядвига

совершенно не в курсе, и, более того, я настаиваю, чтобы она об этом никогда не узнала, Анджей немного расслабился и смог вести конструктивный разговор. Я спросила его:

– Анджей, вам действительно нравилась та женщина? Вы хотели создать с ней семью или это было легким служебно-курортным романом?

– Конечно, нравилась. Тем более, вы же видели, жена моя не самая умная женщина. Вопросы профессионального роста, например, я с ней обсудить не могу, а некоторых вещей она вообще не понимает. А Фелиция очень грамотный специалист, она моя коллега достаточно давно. И все это время она испытывала ко мне симпатию. Только тогда, в отрыве от семьи, я оценил ее достоинства. У нас была близость, нам было хорошо. Я даже подумывал, чтобы узаконить эти отношения. Но она начала на меня давить, а я этого страшно не люблю. Поэтому все осталось, как есть.

– А Ядвига? Вы бы оставили ее с ребенком?

– Ну, конечно, ребенок тоже тормозил. Но мы современные люди. Я бы ее на голод и нищету не обрек, обеспечивал бы полностью. Она была бы не в обиде.

– Но она же любит вас! Вы не представляете, что бы это было...

– Да не сомневайтесь. Поплакала бы, успокоилась, а потом вышла бы замуж. Такие, как она, не прозябают в одиночестве.

– Почему?

– Она всю жизнь мужу в рот заглядывает. Многих это прельщает.

– Но не вас?

– Нет, не меня.

– Почему же вы до сих пор вместе?

– Привыкли друг к другу. Она пообтерлась. В общество с ней уже можно выходить. Опять же ребенок...

Когда я перевожу разговор на болезнь Агнешки, лицо Анджея мрачнеет. Он всеми силами старается показать себя эдаким психологическим суперменом, но у него не получается. Он теряется, фразы его уже не так категоричны, голос подрагивает.

– Анджей, вы считаете, что мои объяснения по поводу вашей роли в болезни дочери неправомерны?

– Я в свое время интересовался восточной философией, Кастанедой, астрологией. Но чтобы настолько жесткая и однозначная зависимость... Не знаю... Я не верю, что вы полностью правы. Этого не может быть. Миллионы мужчин изменяют женам, из них многие – ив период беременности жены. У нас бы детей здоровых уже не осталось.

– Должна с вами согласиться. У нас нет здоровых детей. А исключения только подтверждают правила.

Анджей неподдельно удивлен:

– Как нет? А чем они болеют?

– Уже никого из врачей не удивляет остеохондроз в двенадцать лет, инсульт в девятнадцать, инфаркт в шестнадцать, камень в почке в восемь лет. Среднестатистические дети в Европе чаще всего болеют вторичными иммунодефицитами, неврозом, воспалениями в желчном пузыре, желудке, яичниках, нарушениями водно-солевого обмена, мочекислым диатезом, эндокринными патологиями, прежде всего щитовидной железы, аллергиями, астмой, дегенеративными процессами в позвоночнике и суставах, сколиозом и др. Тысячи детей ежегодно умирают от рака. Мало? Могу продолжить. Конечно, причин тут море: и экологический кризис, и стрессы у родителей, и наследственность, и быстрое питание, и, что очень важно, конфликты в семье – и явные, и тайные.

– Я все равно не понимаю. Как это?

Я протянула Анджею, хорошо знающему русский язык, книгу священника и хирурга архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело».

– Читайте. Что непонятно – спросите. Прошу вас не то чтобы поверить мне безоговорочно. Я не волнуюсь, что вы мне не поверите, это не ударит по моему самолюбию. Мне нужно вылечить вашу дочь. Захотите помочь – я возьмусь за нее. Не захотите – ищите другого специалиста.

– Как? – в глазах Анджея удивление, ведь в его представлении я должна бы хвататься руками и ногами за пациентов, которые платят.

– Потому что без вас я ничего не сделаю. *Я могу месяцами закачивать в вашего ребенка силы, и, может быть, ей станет немного лучше. Но принципиально я ничего не изменю.* Ну как, будем лечиться?

– Будем, – растерянно сказал Анджей.

– Очень хорошо. Неужели вы не сожалеете, что изменили жене с Фелицией?

– Я бы не сожалел, но Фелиция следующие года три мне прохода не давала. Я очень тяготился ею. Конечно, я сожалею.

– Вы осознаете, что это грех?

– Да... Сознаю...

– Вы мне сегодня солгали.

– Я?! В чем?

– Анджей, из ваших слов я должна сделать вывод, что отношения с женой у вас нормально-примирительные. А я уверена, что вы страстно ее любите. Ведь так? Вы себе создали идеальный образ, какой могла бы быть ваша жена. Ядвига ему не соответствует. Но любите-то вы ее. А что вы мне наговорили? Вы – патологический лжец?

Анджей становится пятнисто-пунцовым. Я продолжаю:

– И не поведение Фелиции оттолкнуло вас от нее. А что?

Он собирает с духом и говорит почти шепотом:

– Она холодная...

– В смысле фригидная?

– Нет... Конечно, нет! Она только своими интересами живет, и в том числе в постели. Но я не сразу понял. Был как в тумане. А дома Ядвига... Никто ее не просветил. «Друзей» много, а роман служебный. Но обошлось... Нет, не обошлось...

Анджей становится жалким, руки слегка дрожат.

– Анджей, успокойтесь, давайте все менять.

Дальше я рассказала ему о необходимости причастия в православной церкви, в которой когда-то в детстве он был крещен. Он мне не сопротивлялся, а добросовестно слушал. А потом подтвердил, что еще подумает и пойдет. Он говорил:

– Я надеюсь, что это поможет Агнешке.

– *Чтобы помогло, вы не должны относиться к причастию как к лекарству для дочери.* Это должно быть важно для вас, Анджея Козельского, 1965 года рождения, поляка, уроженца г. Белостока, архитектора, частного предпринимателя – для вашей души, для вашего будущего.

На этом мы расстались. Я попросила Анджея позвонить, когда он причастится.

Он позвонил через две недели. Голос уверенный, деловой:

– Я прочитал книгу архиепископа Луки, подумал и уже три раза был на богослужении, а сегодня принял причастие. Я не думал, что это может быть так хорошо.

– Рада за вас.

– Что теперь?

– Не забывайте о Боге. Воцерковление – сложный процесс. Но он необходим всей вашей семье. А насчет Агнешки – теперь моя очередь.

Курс лечения Агнешки длился четыре месяца. Кроме кардиологии и биофизических методов также понадобилась помощь натуропатии, рефлексотерапии, психотерапии. Девочке

стало значительно лучше. Теперь ничто не препятствовало лечебному процессу. Она снова стала подвижной, энергичной.

Агнешка подарила мне на память свои самые красивые рисунки. И, глядя на них, я думаю, что в ее семье будет еще один архитектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.